

Письма князя Димитрія Александровича Хилкова.¹⁾

Хі.

3 Февраля 1914 г.

Дорогой Я. И., письмо Ваше получилъ (28 января). Читалъ его съ особеннымъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ, ибо Вы говорите какъ разъ то, что сказалъ бы и я. если-бы понялъ свое письмо такъ, какъ Вы его поняли. Мнѣ думается, что я уловилъ тѣ точки, тѣ пункты, въ которыхъ разное пониманіе словъ и терминовъ, и Вы,—придавая этимъ словамъ и терминамъ другое значеніе, — говорите то, что говорите, и что *говорю и я*, если придамъ этимъ словамъ и терминамъ то значеніе, которое придаете имъ Вы.

Установлю поэтому нѣсколько положеній. Когда я говорю объ ученіи Церкви, то я не становлюсь на точку зрѣнія признанія или непризнанія *безусловной* истинности этого ученія. Это разговоръ другой, въ другой плоскости, и требующій другихъ основъ.

Я только берусь показать, что это ученіе: 1) исчерпываетъ Благовѣствованіе и 2) изъ всѣхъ существующихъ ученій наиболѣе полно удовлетворяетъ запросы сердца и разума человѣческаго; 3) если же это ученіе сравнить съ другими т. н. христіанскими „путями“, то я утверждаю, что оно наиболѣе точно согласовано съ рѣчами Самого Христа, и 4) одно только это ученіе не требуетъ „хитроумнаго“ — непонятнаго для массы—истолкованія словъ Спасителя, а беретъ эти слова въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ, что всю рѣчь

¹⁾ См. „В. В.“, 1915. Май.

Спасителя дѣлаеть достойной Его. Ибо при „хитроумномъ“, недоступномъ для массы, толкованіи весь обликъ Христа извращается.

Выходить, какъ будто Спаситель ради „красоты“ слога изъяснялся двусмысленно—это первое.

Второе—въ опредѣленіи словъ „организация“ и „организмъ“.

Какъ Вы знаете, есть ученіе, по которому организмъ — есть механизмъ, а человѣкъ — „сложная машина“. Я это отрицаю. Паровозъ, машина, это — одно. Живое существо, это—другое.

Къ чему же больше подходитъ организация: къ механизму или организму? Я отвѣчаю: организация, какъ бы ни была совершенна, есть только механизмъ. И Вы можете себѣ представить совершенный механизмъ—совершенно, какъ живой,—и все же этотъ механизмъ, эта организация, по сравненію съ *любымъ*, самымъ несовершеннымъ существомъ, — *алебой*, будетъ *мертвымъ*.

И какіе бы „духи“ ни одушевляли механизма, — онъ будетъ мертвымъ. Какая бы *совершенная* идея ни была *воплощена* въ механизмъ, онъ будетъ мертвымъ.

Изъ этого подобія мы можемъ понять, *почему* никакое *воплощеніе* человѣкомъ въ себя или въ себѣ Христа не можетъ ему помочь—ибо вѣдь и паровозъ *воплотилъ* въ себѣ идею инженера, но не сталь черезъ это человѣкомъ.

И вотъ, какъ мнѣ думается, корень и причина того, что Вы меня не поняли.

Я утверждаю, что для жизни вѣчной не человѣкъ долженъ воплотить Христа, а Христось долженъ воплотить человѣка. Если-бы человѣкъ воплощалъ Христа, то Христось явился бы частью тѣла человѣка. И только, если Христось воплотилъ человѣка, можно говорить,—если выражаться точно,—что человѣкъ сталъ частью Тѣла Христова.

Христось говорилъ, что Онъ—начатокъ *новаго* существа, новаго организма (*не* организации), что Онъ — глава этого существа. А люди—друзья Его—члены этого организма.

И Онъ говорилъ совершенно точно и опредѣленно: такъ какъ *Я* имѣю жизнь вѣчную, то могутъ имѣть жизнь вѣчную—только части Меня Самого.

Я бралъ яблоку, какъ подобіе *Христа*, а не человѣка. Человѣка я уподоблялъ кремню, который только оживляетъ въ

яблонѣ. *Если не рядомъ будетъ лежать, а если станетъ частью яблони.*

Церковь ветхозавѣтная олицетворяла собой Божественную, основанную на заповѣдяхъ Бога, организацію, партію съ программой „благочестія“. Всякій, не исполнявшій заповѣдей программы, изгонялся вонъ,—и на этой точкѣ зрѣнія стояли законники. Такую организацію я уподоблю „минералогическому кабинету“. Все чисто и выложено.

Приходитъ Христосъ и претендуетъ *основать*, дать жизнь не новой, совершеннѣйшей организаціи, куда бы могъ войти и Еллинъ, и Іудей, и негръ, и буддистъ; то есть претендуетъ не на основаніе своего рода Теософическаго общества, а претендуетъ стать начаткомъ новаго, доселѣ не бывшаго, существа, организма, тѣла, личности.

Его окружаетъ разный „сбродъ“. Законники, хранители идеи *Божественной организаціи*, гдѣ, какъ и во всякой организаціи, члены узнаются „по дѣламъ закона“, т. е. программы, сразу и указали Христу на окружающіи Его сбродъ, нарушающій программу, не исполняющій заповѣдей и грѣшачій.

И Христосъ имъ отвѣчалъ: Если-бы Я пришелъ основать новую партію съ новой, „своей“, программой, если-бы Я пришелъ основать теософическое общество или вообще болѣе совершенную *организацію*, то вы были бы правы, но ничего подобнаго *Я не дѣлаю*. Я—начатокъ новой жизни. Я притягиваю людей не въ организацію, а втягиваю въ Себя, въ Свою жизнь.—Всякій слышавшій отъ Отца приходитъ ко Мнѣ и становится частью *Моего Тѣла*. Ваше благочестіе очень почтенно, и очень жаль, что никто изъ васъ не исполняетъ закона Моисея. Но дѣло въ томъ, что Мой законъ не есть законъ благочестія, а есть законъ благодати, истины и жизни вѣчной, которой ни Моисей, ни его законъ дать вамъ не могъ потому, что ея не имѣлъ. Я же есмь *сама жизнь вѣчная*.

И совершенно подобно тому, какъ „простые элементы“ въ лабораторіи кажутся „чистенькими“, а въ живомъ организмѣ „грязненькими“ (напримѣръ, въ мясѣ и перьяхъ), такъ точно и законникамъ казались „грязненькими“ мытари и грѣшники, составлявшіе изъ себя членовъ Тѣла Христова, Его Церковь. Изъ Маріи выгнано было семь бѣсовъ. Петръ отрекался. Всѣ убѣждали. Апостолы ссорились!

Собственно говоря—въ этомъ суть нашей бесѣды. Теперь о Вашемъ письмѣ.

Еще надо сказать слѣдующее: не надо смѣшивать принципы съ практикой, и въ терминахъ практики говорить о принципахъ, а въ терминахъ принциповъ говорить о практикѣ.

О плоти. Когда заходитъ рѣчь о спасеніи (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), то обыкновенно люди придерживаются 3-хъ взглядовъ.

Одни говорятъ: Спасетъ насъ Божественное, Духъ Божій—въ насъ и внѣ насъ.

Другіе говорятъ: Спасетъ насъ „человѣческое“ — духъ человѣческій, когда разовьется, утончится (до духовности!), очистится отъ *животности*.

Христосъ говоритъ: Ошибаются какъ тѣ, такъ и другіе. Спасеніе въ *сотрудничествѣ* Божескаго и человѣческаго. Спасеніе въ сотрудничествѣ естества Божескаго и естества человѣческаго. Естество человѣческое свято и безгрѣшно *само* по себѣ. Примѣръ: Мое безгрѣшное тѣло, Моя плоть. Она *вполнѣ* человѣческая, но на ней нѣтъ „грѣха“ — пятна *дьявольскаго*. Смойте это пятно, и плоть ваша будетъ *свята*.

Тутъ требуется *върнть* словамъ Христа, что есть дьяволъ. Если же откидывать *нѣкоторые* слова Христа, то черезъ это *все остальное* принимаетъ другой смыслъ. Я говорю только о томъ смыслѣ рѣчи Спасителя, когда *не откидывать* ни одного слова и считаться съ пониманіемъ Его словъ, Его ближайшихъ учениковъ.

Изъ кого состоитъ Церковь? Если мы не откинемъ словъ Христа о посланіи Духа Святаго и о томъ, что Духъ Святыи *научитъ*, то здравый смыслъ требуетъ, чтобы мы спросили учениковъ—первыхъ членовъ Церкви: кто попадаетъ, и какъ попасть, и какъ остаться въ Церкви? И ученики и говорятъ это—и письменно, и устно—*Преданіе*.

Теперь конкретный вопросъ: находится-ли *такой-то* крещенный въ Тѣлѣ Христовомъ? Это никому—кромѣ Христа—*неизвѣстно*. Въ организациі онъ находится—мы это видимъ, но находится-ли онъ въ Тѣлѣ—это неизвѣстно.

Что такое соборный голосъ Церкви? Если соборъ собрался по извѣстнымъ (церковнымъ) правиламъ, то посылается по-

мощь Духа Святаго, и постановленія *Собора*—суть постановленія Христа, голосъ Христа ¹⁾).

Нужно-ли быть „святымъ“, чтобы изрекать слово Божіе? Объ этомъ насъ учитъ исторія Валаамовой ослицы и слова Христа, что и камни *могутъ вопіять* и свидѣтельствовать о Христвѣ. Да и бѣсы свидѣтельствовали, какъ мы знаемъ.

О яблонѣ. Я уподоблялъ яблонѣ Христа. Въ моемъ письмѣ я Христа называлъ яблоней. У Христа есть творческая сила. Онъ притягиваетъ и творитъ живое. Христось—не человѣкъ, а Богочеловѣкъ.

Никодимъ говорилъ о томъ, что не понимаетъ, какъ онъ можетъ быть втянутъ въ тѣло матери. Вы говорите, что *не понимаете*, какъ можете быть втянуты въ Тѣло Христа.

Объ этомъ много говорилъ Христось, и все сводится къ подобію яблони и кремня. Развѣ можно объяснить, какъ кремень втягивается въ яблоню и становится живымъ? „Всякій, слышавшій отъ Отца о нуждѣ быть втянутымъ, втягивается“. Дѣйствуетъ и *привлекаетъ* Божественная сила, и больше ничего неизвѣстно. Еще извѣстно, что нѣкоторые *не противятся* этой силѣ, а другіе противятся.

Случай съ Павломъ. Если-бы случай съ Павломъ исчерпывался тѣмъ, что онъ былъ гонитель, а потомъ пересталъ гнать, то *никакого христіанства* тутъ не нужно для объясненія. Былъ „правымъ“—сталъ „лѣвымъ“. И если-бы было только это, то Павелъ, если *не* задавался цѣлью „морочить“ людей и строить „каламбуръ“, никакъ не могъ бы говорить о себѣ, о *своемъ опытѣ* то, что онъ говорилъ: „Я умеръ, ибо, хотя я живъ, но не я живу, но живетъ во мнѣ Христось“.

А Христось объ этомъ же говоритъ: „чтобы обрѣсти жизнь свою, надо сперва потерять ее“.

Поневолю многіе, слыша подобныя слова, говорили: „какія странныя слова“! Странными они кажутся для тѣхъ, которые не думали о кремнѣ и яблонѣ и никакъ не догадываются, что эти слова надо понимать въ самомъ прямомъ-обыденномъ смыслѣ.

¹⁾ См. „Б. В.“, Май, стр. 103, примѣчаніе, а также заслуживающую особеннаго вниманія статью Ю. А. Колемина „Авторитетъ въ вопросахъ вѣры“ (стр. 177—182). *М. Н.*

И я увѣряю Васъ, что, какъ только Вы поймете эти слова просто, то увидите, что лучше и точнѣе сказать нельзя: для того, чтобы камень обрѣлъ жизнь *свою* (ожилъ), надо сперва, чтобы онъ пересталъ *жить* *каменемъ*, а сталъ жить въ яблонѣ — яблоней. Не камень долженъ „воплотить“ яблоню, — ибо что это значить? Какъ камень, лежащій у меня на столѣ, можетъ воплотить въ себя яблоню? Я не понимаю, и никто понять не можетъ.

А надо, чтобы яблоня *воплотила* (въ свою плоть приняла) *камень*, и это всякій не только можетъ понять, но можетъ видѣть.

Не Павелъ сталъ организмомъ Христа, — *это — хлыстовское учение* — суть хлыстовства, — а Павелъ вошелъ, какъ часть, въ Тѣло Христа, въ живой Организмъ Христа, въ Церковь Христа, — и совершенно подобно тому, какъ камень входитъ въ яблоню.

Вы же говорите о томъ, что „духъ яблони“ вдругъ вошелъ въ камень, который у меня на столѣ, и „оживилъ его“. Никто ничего подобнаго никогда не видалъ.

При *ветхозавѣтномъ законѣ благодѣтїа*, дѣйствительно, можно говорить о чемъ-то *подобномъ*, но это будетъ совсѣмъ другое, и тогда Христосъ — такой же пророкъ и поэтъ, какъ Моисей или Пушкинъ. Можно, конечно, говорить о „духѣ Пушкина“, который живетъ въ такомъ-то и воплощается въ такомъ-то.

И дѣйствительно: при чемъ же тутъ организмъ?

Голгова. Голгова есть *синтезъ*. Спасеніе — черезъ сотрудничество Божескаго и человѣческаго естества. Божеское — черезъ жертву и въ сотрудничествѣ съ человѣческимъ — искупаетъ человѣческое.

И *дѣло Христа продолжается*. Какъ только Вы подумаете о томъ, что *оно не кончилось*, а продолжается, то, отдавъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, въ чемъ оно выражалось 2000 лѣтъ тому назадъ, Вы увидите, что оно и нынѣ выражается въ томъ-же самомъ.

Христосъ страдалъ въ человѣческомъ ествѣ, и вездѣ, гдѣ это естество страдаетъ „невинно“, тамъ Христосъ въ немъ страдаетъ.

И такъ какъ Христосъ — Богъ, то въ этомъ страданіи Христа, въ *мученикѣ*, проявляется Сила Божія, искупающая естество человѣческое.

Да, вотъ, въ Ющинскомъ — замученномъ — конечно, былъ мучимъ Христось. И при всѣхъ мученіяхъ мучениковъ былъ мучимъ и страдалъ не Иванъ и не Сидоръ, а страдалъ въ *Иванъ* и въ *Сидоръ* Христось. Это и есть христіанство. Вотъ объ этомъ и говорилъ, это и объяснялъ Христось.

И если Вы станете перепиливать яблоноу, то, если будете *точно выражаться*, Вы должны сказать: я перепиливаю такіе-то и такіе-то простые элементы, но страдаютъ не элементы, а въ этихъ элементахъ страдаетъ и *умираетъ* яблоноя.

Въ случаяхъ же съ мучениками должны *добавить*: „дабы *воскреснуть*“. Это много разъ говорилъ Христось.

Атрибуты членовъ Церкви. Они Христомъ надѣлены только однимъ атрибутомъ: *жизнью вѣвременною*. Они перешли отъ смерти къ жизни. Другого ничего мы сказать не можемъ.

Дѣло не въ томъ только, чтобы *вървать*,—Вы же знаете, что и бѣсы вѣрують,—а въ томъ, чтобы стать молекулою того, что имѣетъ жизнь *не временную*.

Никакихъ *видимыхъ* качествъ (*по существу*) членовъ Своего Тѣла Христось не опредѣлялъ, ибо это было-бы *противно духу Его ученія*.

И въ этомъ глубокое и прискорбное *недоразумѣніе*, плодящее секты и толки.

Суть дѣла въ слѣдующемъ: Христіанство, понимаемое на Іудейскій ладь, понимаемое, какъ законъ *благочестія*, гласить: Вѣрь [усиліемъ воли и разума] во Христа, исполняй то-то и то-то, и ты прійдешь ко Христу.

Христіанство, понимаемое, какъ законъ благодати, истины и жизни, говоритъ совершенно другое. Оно говоритъ: когда станешь частью Тѣла Христа, то увѣруешь во Христа, и будешь дѣлать то-то и то-то.

Какъ видите, *дѣла* остались тѣ же,—они будутъ и не могутъ не быть,—но основаніе ихъ совсѣмъ другое. Въ первомъ случаѣ человекъ дѣлаетъ *свои* дѣла, дѣлаетъ ихъ съ цѣлью угодить Господину и получить что-то. Онъ—*рабъ*.

Во второмъ случаѣ не онъ дѣлаетъ, а дѣлаетъ Христось. Ни къ чему онъ не стремится, *ибо все имѣетъ*—разъ онъ имѣетъ Христа. Изъ раба онъ сталъ сыномъ. Вотъ объ этомъ и говорилъ Христось много разъ ¹⁾.

¹⁾ Св. Василій Великій усматриваетъ въ христіанахъ „три различныхъ

При Вашемъ пониманіи,—т. е. при пониманіи съ точки зрѣнія закона благочестія, масса—не только путаницы и противорѣчій, но намъ приходится обвинять Спасителя въ томъ, что Онъ *не умѣлъ точно выразиться* и постоянно говорилъ не только много лишняго, а какъ бы нарочито „затемнять смыслъ своихъ словъ“.

Совершенно вѣрно, что Тѣло Христово покрыто *ранами*. И когда Христосъ висѣлъ на крестѣ, то мало было красоты и привлекательности. Почему же это Васъ смущаетъ?

Церковь Христова состоитъ не изъ здоровыхъ, а изъ больныхъ—и это съ самаго начала. Это смущало законниковъ—и совершенно правильно. Ибо съ точки зрѣнія закона благочестія это нелѣпо.

Законъ благочестія имѣетъ *свой критерій и свою мѣрку*. Эта мѣрка—„праведность“, исполненіе закона, нравственность и т. п.

У закона благодати совсѣмъ другая мѣрка. Это не значитъ, что благочестіе или нравственность *отмѣнены*, а это значитъ, что они дѣло второстепенное.

Грѣшникъ и блудница не могли принадлежать къ организаціи храма Иерусалимскаго. Къ храму-же Тѣла Христова—могутъ принадлежать.—Дѣло азбучно-просто.

Законникъ говорилъ: разъ ты мытарь, грѣшникъ и блудница, я тебя не могу принять въ свою организацію. И если-бы Церковь была *только* организаціей, и *она должна была* бы сказать то же самое. Христосъ-же поступалъ не такъ, какъ законникъ, потому, что исходилъ не изъ закона благочестія, а изъ закона благодати.

расположенія“. Онъ характеризуетъ ихъ такъ: „Или, боясь наказанія, уклоняемся отъ зла, и бываемъ въ состояніи рабскомъ; или, гоняся за выгодами награды, исполняемъ повелѣнное ради собственной пользы, и тѣмъ уподобляемся наемникамъ; или дѣлаемъ сіе ради самого добра и изъ любви къ Давшему намъ законъ, радуясь, что удостоились служить столь славному и благому Богу,—и въ такомъ случаѣ бываемъ въ состояніи сыновъ“ („Творенія“, изд. 4-е, 1901 г., ч. V, стр. 77).

О томъ же читаемъ у св. Исаака Сприня, въ Словѣ 55-мъ: „Храненіе заповѣдей еще ниже духовной любви. И поелику много такихъ, которые хранятъ заповѣди изъ страха или ради награды въ будущемъ, а не по любви, то Господь многимъ убѣждаетъ къ храненію заповѣдей по любви, дающихъ душѣ свѣтъ“ („Творенія“, изд. 3-е, 1911 г., стр. 242).

См. о восхожденіи отъ рабства къ сыновству въ „Душеполезныхъ поученіяхъ“ преп. аввы Доротея, изд. 9-е, 1904 г., стр. 54—58 („О страхѣ Божіемъ“). М. Н.

Видить:—сидить мытарь:—„Иди за мной. Составь часть Тѣла Моего. Я силенъ тебя переродить и спасти. Мнѣ и Моему царству не нужны дѣла закона, Я и безъ нихъ тебя принимаю. А когда станешь частью Меня, и Я буду жить въ тебѣ, ты и начнешь дѣлать дѣла Христовы, *поскольку упразднишь себя*“.

И всѣ Апостолы въ одинъ голосъ только объ этомъ и говорятъ.

Вотъ въ этомъ смыслѣ и говорится, что сила Божія въ немощи совершается.

И если подумаете, то и увидите, насколько такая проповѣдь должна была казаться соблазнительной законникамъ, и почему мытари, „покрытые болячками“ и ничего не могшіе привести въ свое оправданіе, шли ко Христу.—И перерождались. *И очищались отъ болячекъ*,—только это *невидимо*. И я—по крайней мѣрѣ—ни про одного *святого* не слышалъ, что онъ считалъ себя святымъ и не имѣлъ „болячекъ“¹⁾.

И Вы очень по христіански говорите, что не надо думать про болячки. Это вѣрно. Но невѣрно, если Вы думаете, что ихъ нѣтъ.

Рационализмъ только и дѣлаетъ, что чистится.

Евангеликъ утверждаетъ, что ихъ нѣтъ—Кровь Христа ихъ смыла.

Христіанинъ говоритъ: буди милостивъ ко мнѣ, грѣшному!²⁾

Болячки есть—только *некогда* мнѣ о нихъ думать!³⁾

Когда Вы будете думать о Церкви, то подумайте о слѣдующемъ: она есть организація, но, *кромя того*, она же и живой Организмъ, она—Тѣло, глава котораго есть Христосъ. *И это—главное*, а организація—дѣло второстепенное. Когда я говорилъ о послушаніи, я вѣдь говорилъ о членѣ Христовой Церкви, о молекулѣ Тѣла Христа. Какое-же можетъ быть *насиліе* надъ такой молекулой? Вѣдь это невозможно по существу.

Я не говорилъ, что моя рука или моя нога суть молекулы Тѣла Христова. Я сказалъ, что человѣкъ есть молекула Тѣла Христова. Насиліе надъ человѣкомъ, ставшимъ молекулой

¹⁾ Совершенно справедливо, но несомнѣнно и то, что святые вели усиленную борьбу, при содѣйствіи благодати, съ своими страстями. „Иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми“ (Гал. V, 24). *М. Н.*

²⁾ „Вся Церковь—кающихся, вся она есть Церковь погибающихъ“ (св. Ефремъ Сиринъ). *М. Н.*

³⁾ См. оба предшествующія примѣчанія. *М. Н.*

Тѣла Христова, произвести нельзя. Говорить можно подобное только при отождествленіи человѣка съ его ногой или рукой.

Большое принципиальное заблужденіе думать, что, по учению Христа, нѣтъ разницы между членами Церкви Христовой. При этомъ извращается основной смыслъ всего ученія. Разница есть—и громадная!

Одни большіе, другіе меньшіе. И очень легко и просто узнать, кто именно большіе и кто именно меньшіе. Большіе—всѣмъ слуги!

Вотъ, что написано въ текстѣ, а вовсе не написано, что нѣтъ большихъ и меньшихъ.

То, что Вы говорите, или, вѣрнѣе, то, какъ Вы понимаете текстъ, ведетъ къ тому невозможному выводу, что всѣ должны быть „святыми“, а разъ не святъ—изгоняется. Не здоровые нуждаются въ усиленномъ питаніи, а больные.

Равны члены Церкви совсѣмъ въ другомъ и очень простомъ смыслѣ. Насколько моя голова и моя нога суть члены моего тѣла, они, какъ члены моего тѣла,—потому что члены моего тѣла,—равны. Это подобіе, если его развить, можетъ уяснить, въ чемъ разница и въ чемъ равенство.

Въ Вашихъ словахъ, что „къ закону нравственности можно прійти всѣми путями, но что это буква, а не духъ (надо бы прибавить „жизнь“), если только въ самомъ существѣ *отъ рожденія*, независимо отъ него, не окажется этого духа (и жизни)“—совершенная правда. *Это и есть ученіе Церкви о Тѣлѣ Христовомъ.*

Вы Вашими словами по существу отвергаете законъ *благочестія*—ради благочестія,—и на мѣстѣ его ставите законъ благодати, при которомъ будетъ и благочестіе. Это и есть ученіе Церкви.

Совершенно вѣрно, что организація—механизмъ, а что Христосъ живетъ и творитъ. И живетъ, и творитъ *въ Тѣлѣ*. И это *Тѣло Христа* (не Ваше тѣло, въ которомъ Вы думаете, „творитъ“ Христосъ) подобно тому, какъ 2000 лѣтъ тому назадъ—изъ естества человѣческаго; это и есть Церковь.

Баптисты и рационалисты думаютъ подобно Вамъ, что Духъ Христа вселяется въ cadaго вѣрующаго и оживляетъ его.

При такомъ взглядѣ христіанство есть нѣчто *только личное.*

Никакой связи между людьми, кромѣ той, которая существуетъ въ любой социаль-демократической организаціи,— нѣтъ.

При церковномъ-же взглядѣ, христіанство нѣчто *соборное*; члены Церкви суть молекулы одного *организма*. Какая же разница? Громадная.

Если баптистъ Сидоръ получить отъ Духа Христа, то черезъ это съ баптистомъ Иваномъ ничего не произойдетъ. Онъ ничего при этомъ не получитъ.— Ибо если я намочу одинъ камень, лежащій въ кучѣ, то остальные отъ этого не намочнутъ.

Въ Церкви совсѣмъ другое: благодать, которую воспринялъ членъ Церкви Сидоръ, оживляетъ не только Сидора, но всѣхъ членовъ Церкви.

Совершенно такъ, какъ въ яблонѣ или нашемъ тѣлѣ. За-разилась одна „кѣлочка“, болѣютъ всѣ. Полили вы корни, а вѣтки получили воду.

Вотъ этому и учить Церковь, и мы видимъ, что Христосъ и Апостолы говорили объ этомъ.

И нынѣ люди дѣлятся на тѣхъ, которые принимаютъ такой взглядъ, и на тѣхъ, которые отвергаютъ такой взглядъ.

И мнѣ думается, что, при наличности текста, нельзя толковать слова: „нѣсть Еллина и Іудея“—такъ, какъ Вы толкуете. *Павелъ на себѣ испыталъ*, что именно есть Еллины и Іудеи. Нельзя-же вырывать нѣсколько словъ. Прочтите: I Кор. I, 22, 23, 24.

Вы увидите, что, говоря „нѣсть Еллина и Іудея“,—Павелъ говорилъ о *призванныхъ* Еллинахъ и Іудеяхъ—то есть о членахъ Церкви Христовой.

И я убѣжденъ, что, прочтя эти три стиха, Вы уже не будете думать, что Павелъ, говоря о томъ, что нѣсть Еллина и Іудея, разумѣлъ эти слова въ Вашемъ смыслѣ.

То, что я говорю о Христѣ, связано съ Православной Церковью, какъ Христосъ связанъ со Своимъ человѣческимъ Тѣломъ.

Вы стоите на такой точкѣ зрѣнія: разъ, молъ, у Иисуса Христа болѣла рука или нога, или Онъ хотѣлъ ѣсть и пить и, значить, былъ подверженъ немощамъ человѣческимъ (кромѣ грѣха), то Онъ не Богочеловѣкъ, а просто человѣкъ, до того *возвысившійся*, что сталъ..... и тутъ происходитъ нѣ-

что поразительное. Въмѣсто того, чтобы сказать *согласно* грамматикѣ и здравому смыслу: Человѣкобогъ—говорять: Богочеловѣкъ—и всё путается.

Вашъ примѣръ избіенія прекрасенъ. Гдѣ же члены Церкви? Неужели же не было ни одного?

Поразительно, что этотъ доводъ въ ходу 2000 лѣтъ.

По существу дѣла, Вы говорите: Спаситель напрасно утверждалъ, что Его ученики—„друзья Его“.—Онъ жестоко заблуждался. Когда Его взяли, *всѣ разбѣжались*.

Ну, да! Но что же изъ этого? Развѣ Христось основаль организацію или партію?

Ради Бога, поймите, что если-бы Христось гдѣ-нибудь, когда-нибудь сказалъ, что Онъ основываетъ организацію, или партію, или общину, то вся исторія свидѣтельствовала-бы о томъ, что никогда ни одного христіанина—кромѣ Іисуса Христа—не было!

Вотъ какой простой и ясный выводъ надо сдѣлать при Вашей точкѣ зрѣнія. И его и дѣлають. Дѣлають тѣ, которые никакъ не могутъ вмѣстить слова о Церкви и говорить: „какія странныя слова!“

И замѣтите, совершенно подобное произошло и съ разбойникомъ на крестѣ. И это показалось Матѳею и Марку до того соблазнительнымъ ¹⁾, что они никакъ не могли привести словъ Спасителя: „Нынѣ же будешь со Мною въ рай“. А вотъ Лука сохранилъ намъ эти слова.

Я написалъ *два* длинныхъ письма Скороходову. Можетъ быть, въ нихъ Вы найдете что-нибудь подходящее, т. е. разъясняющее.

Писать Вамъ—отвѣчая на письма—мнѣ доставляетъ большое удовольствіе, ибо я провѣряю свой взглядъ,—насколько его можно разумно обосновать. Но, конечно, я понимаю, что у протестантовъ есть же „доводы“, почему на основаніи того же Писанія они отвергають ту концепцію Церкви, какъ Организма, Тѣла и живой, видимой и осязаемой Личности, которую я утверждаю.

¹⁾ Едва ли это утвержденіе справедливо. Вотъ какъ истолковываетъ разницу въ повѣствованіяхъ Евангелистовъ еп. Михаилъ: „Надобно предположить, или—что сначала оба (разбойника) понесли, а потомъ одинъ раскаялся (І. Златоустъ, Теофилактъ, Евѳимій Зигабенъ), или—что здѣсь ради краткости повѣствованія фактъ обобщается, подробности опускаются, и приписывается обоимъ то, что дѣлалъ одинъ“ („Толковое Евангеліе“, т. I, 1870 г., стр. 531—2). М. Н.

Ваша концепція Церкви, это—концепція протестантская, и суть дѣла, по-моему, сводится къ какому-то внутреннему, необъяснимому началу, которое заставляетъ одного смотреть такъ, а другого иначе.

И я думаю, что для всякаго, для кого живая Личность Иисуса Христа играетъ первенствующую роль, для того и представление о Церкви, по существу, не чуждо, т. е. недалеко онъ отъ Церкви. Постарайтесь свести все Вами сказанное къ самому главному. Потомъ, прочтя мой отвѣтъ, напишите мнѣ,—въ чемъ по-Вашему суть и корень Вашего отрицанія Православной Церкви. Мнѣ было бы очень интересно узнать.

Жму руку. Пишите. Если отвѣтъ *слабъ*—извините. Очень торопился, чтобы отослать на почту.

Д. Хилковъ.

ХП.

1 Марта 1914 г.

Дорогой Я. И., получилъ Ваше письмо и прочелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Я ясно и опредѣленно вижу, что въ сути и основѣ дѣла между нами нѣтъ разногласія. Если же и есть, то эти разногласія, по-моему, не относятся къ принципамъ и основамъ, а относятся къ нашему способу отношенія къ дѣлу, къ нашей личной восприимчивости, къ способу восприниманія того или другого факта, что вполне законно и вовсе не мѣшаетъ полному согласію въ основномъ.

Чтобы Вамъ было яснѣе то, что я хочу сказать, я отсылаю Вамъ Ваше письмо, подчеркнувъ краснымъ карандашомъ то, съ чѣмъ я не только согласенъ, но что я и говорю.

Если Вы найдете разногласіе съ моимъ писаніемъ, то, значитъ, я выразился неясно или невѣрно. Синимъ карандашомъ я подчеркнулъ тѣ мѣста, на которыя я хочу отвѣтить.

1) На 2-мъ листѣ и въ концѣ Вы спрашиваете, о какомъ соборѣ я говорю, и о какомъ православіи?

Я говорю о Церкви Христовой, о Тѣлѣ Христовомъ—какъ объ *организмѣ*.

Съ этой точки зрѣнія описанія Мережковского *не* имѣютъ значенія. Внѣшнее вообще не имѣетъ значенія. Внѣшнее не

есть вѣрный и полный показатель внутренняго. И это всегда и вездѣ. Жизнь Л. Н. въ Ясной Полянѣ, отъ которой онъ убѣждалъ, не была полнымъ показателемъ „духовнаго состоянія“ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

На Вашъ вопросъ дасть *прямой* и полный отвѣтъ Дмитрій Ростовскій въ своей проповѣди въ недѣлю „Жень мурно-сиць“ (у Костомарова въ „Жизнеописаніяхъ“). Дмитрій Ростовскій ищетъ Христа, какъ и Вы, и не находитъ между официальными представителями Церкви.

Но вѣдь Церковь не изъ однихъ официальныхъ представителей. Въ Православии нѣтъ дѣленія на „учащихъ и поучаемыхъ“. Епископъ—„свидѣтель“ вѣры своей Паствы, а не *учитель* своей паствы. По *православному* ученію: „учитель—одинъ, Христосъ“. Это у католиковъ, дѣйствительно, Церковь земная дѣлится на „учащихъ и поучаемыхъ“.

Гдѣ же православные? А вотъ, напримѣръ: *Три старца* (Толстой), *Два старика* (Толстой). Эти рассказы выражаютъ *духъ* православія.

Есть ли такіе старцы и старики на самомъ дѣлѣ? Несомнѣнно, есть. Вотъ, эти люди, живущіе на землѣ и исповѣдывающіе ученіе Церкви, и суть члены Церкви.

Я не вижу другого способа съ ними познакомиться, какъ пойти странствовать по селамъ и монастырямъ.

Теперь представьте себѣ, что собрался бы соборъ лицъ, которые стали бы „свидѣтельствовать“ о вѣрѣ „трехъ старцевъ“, „двухъ стариковъ“ и т. п. Несомнѣнно, что „голосъ этого собора“ былъ бы голосомъ Самого Христа ¹⁾.

Были бы „инциденты“? Очень можетъ быть, но развѣ ихъ не было при жизни Христа?

II) Несомнѣнно была-бы связь, но были-бы и споры.

Развѣ между Апостолами не было споровъ?

Не упускайте изъ виду Церковную *схему* спасенія.

Схема эта въ *сотрудничествѣ* Божескаго и человѣческаго.

Несомнѣнно, что вступленіе въ Церковь, это—„прививка“ къ древу жизни. Прививка состоялась—это *фактъ*. Но изъ

¹⁾ Эти литературные типы не такъ ясно и полно выражены, чтобы на нихъ основывать такія рѣшительныя заключенія. Да едва ли это и нужно при наличности сонма завѣдомо духовосныхъ *историческихъ* носителей Православія. М. Н.

этого не слѣдуетъ, что всякая, каждая прививка „принимается“. Нѣкоторыя засыхаютъ. Другія отламываются пшпцями. Объ этомъ-же и говоритъ Христось въ притчѣ о сѣятель.

И тутъ можно сказать и о таинствахъ.

Во-первыхъ, Церковь принципиально не ограничиваетъ количества таинствъ ¹⁾ и не утверждаетъ, что люди не могутъ воспринять благодать помимо семи таинствъ.

Во-вторыхъ, я *думаю*, что таинства—ихъ дѣйствія—тѣмъ и отличаются отъ обрядовъ Юговъ, что ихъ дѣйствіе незамѣтно съ внѣшней стороны, хотя и *такое* дѣйствіе было наблюдаемо. И здѣсь опять принципиальная разница между православіемъ и католичествомъ,—между святыми православными и католическими, между Францискомъ и Серафимомъ.

Францискъ добивался *опредѣленнаго*.

Серафимъ ничего опредѣленнаго не добивался. Объ этомъ очень хорошо у Лодыженскаго: „Свѣтъ незримый“.

Жизненность Православія *для меня* доказывается тысячелѣтней исторіей Россіи. Если нашъ народъ не одичалъ, если нашъ народъ въ общемъ и сравнительно съ иностранцами—добрѣй и душевнѣй, то, конечно, только благодаря Церкви; такъ какъ въ продолженіе 1000 лѣтъ *буквально* ни отъ кого не слышалъ слова правды и утѣшенія. какъ отъ Церкви,

Кто же создалъ типъ Каратаева,—если не Церковь?

Лучше всѣхъ и полнѣй всѣхъ это засвидѣтельствовали Толстой.

Возьмемъ „типы“ православные: „трехъ старцевъ“, „двухъ стариковъ“, Каратаева и сравнимъ съ сектантскими типами.

Мы сейчасъ увидимъ разницу. Въ общемъ—у сектантовъ высокомѣріе и самомнѣніе, что очень не симпатично.

Если мы возьмемъ жизнь *интеллектуальную*, то, конечно,

¹⁾ Хотя этотъ взглядъ на количество таинствъ имѣетъ нѣсколькихъ сторонниковъ и среди православныхъ русскихъ іерарховъ, тѣмъ не менѣе противоположная точка зрѣнія выражена въ такомъ авторитетномъ документѣ, какъ „Исповѣданіе вѣры патріарха Досіея Іерусалимскаго“. Вотъ что мы тамъ читаемъ (§ 15): „Мы вѣруемъ, что въ Церкви есть Евангельскія таинства, и что ихъ *семь*. Мы не имѣемъ въ Церкви большаго или меньшаго семи числа таинствъ“. М. Н.

она у сектантовъ выше, но если возьмемъ жизнь „сердечную“, то она ниже.

Кромѣ того, судить по нашимъ сектантамъ нельзя, т. е. тутъ часто сплошное недоразумѣніе.

И тѣ, которые съ точки зрѣнія Н—въ и А—хъ являются сектантами, вовсе не таковы съ точки зрѣнія догматовъ и каноновъ Церкви.

Я особенно настаиваю на томъ, что ученіе Церкви спасительно для массы, что это „ярмо“—для массы людей. Кромѣ того, съ самаго начала оно привлекало двѣ крайности: волхвовъ и пастуховъ, Пастера и угольщика. И съ самаго начала мы увидимъ, что „буржуазія“, средней образованный чловѣкъ—всегда тяготился этимъ ученіемъ.

III) Тутъ именно и спасительно ученіе Церкви. Церковь не мѣшаетъ „вѣровать“ по-своему¹⁾. Она только требуетъ, чтобы никто не говорилъ: „Идите за мной“. Когда Оригенъ пришелъ къ вѣрѣ въ переселеніе душъ,—его не отлучили отъ Церкви, а потребовали, чтобы онъ не распространялъ этого ученія. Онъ послушался—и остался въ Церкви.

IV) Мнѣ всѣ эти выписки очень нравятся.

Именно такъ и учить Церковь и Отцы Церкви, — то есть Православная Церковь. Католичество нѣсколько иначе. Вообще, мнѣ кажется, что, когда Вы говорите о Церкви, Вы все время говорите о католической церкви. Да и Толстой, въ своихъ нападкахъ на Церковь, нападалъ не на православіе, а на католичество.

У католиковъ, дѣйствительно, папа—наибѣстнѣйшій Христа на землѣ; епископъ въ *дѣлахъ вѣры* безусловный авторитетъ для паствы. У православныхъ ничего подобнаго. Въ *дѣлахъ вѣры* рѣшающій голосъ у *собора*, канонически собраннаго²⁾.

Положимъ, я подыму вопросъ, не рѣшенный соборомъ. Епископъ въ правѣ запретить мнѣ „разглашать“, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ правъ, а я неправъ. Это мо-

¹⁾ Снисходя къ немощнымъ, Церковь поступаетъ согласно завѣту Ап. Павла: „Немощнаго въ вѣрѣ принимайте безъ споровъ о мнѣніяхъ“ (Рим. XIV. 1). Однако, будучи живымъ Тѣломъ, она, естественно, *стремится* внутренне „обобщить“ своихъ членовъ въ единомысліи и единочувствіи духовномъ.—Что же касается *требований*, то одно дѣло—установившееся ученіе Церкви другое—вопросы, не имѣющіе опредѣленнаго рѣшенія въ Церкви. М. Н.

²⁾ См. примѣчаніе на стр. 270-й.

жетъ рѣшить только соборъ. Въ этомъ-то и все дѣло. Вотъ теперь „накопцлась“ масса вопросовъ. Соборъ же собрать бояться. Каноническаго—страшится, а не каноническій ни къ чему,—тотъ же регламентъ Петра Великаго. И если Вы взглянете на текущую жизнь съ этой точки зрѣнія, то увидите, что дѣйствительно, при данныхъ условіяхъ времени и пространства, все дѣло уперлось въ одну точку: въ фактическомъ и дѣйствительномъ упорядоченіи церковной жизни.

Есть внѣшняя шумиха жизни, и есть дѣйствительная жизнь. И эта дѣйствительная жизнь—80-милліоннаго православнаго народа—начинаетъ проявляться, и проявляться именно въ требованіи упорядоченія своей религіозной жизни. И вовсе не въ смыслъ — реформаціи или сектантства, а въ смыслъ выявленія и утвержденія церковнаго ученія.

У) Вы совершенно правы. Именно, „рабы“. Это званіе на пиръ, но изъ того факта, что они не идутъ, нельзя дѣлать вывода, что пира нѣтъ, или что никто не идетъ на него.

Представьте себѣ, что нынѣ при насъ наступило бы то, что непременно наступитъ и сбудется: что изъ 100 епископовъ 99 отрекутся отъ православія, а изъ 80 милліоновъ отрекутся отъ него 79 милліоновъ 999900 человекъ. Что же изъ этого? Да ровно ничего! Это дѣло очень бы „касалось“ отрекшихся, но Церкви вовсе бы не касалось. Какъ она была Тѣломъ Христовымъ и Новымъ Организмомъ,—такой бы и осталась.—Это въ общемъ, а въ частномъ — никогда православіе не говорило, что оно—православіе, или видимая церковь, или ея священнослужители—могутъ кому-либо *гарантировать* жизнь вѣчную. Это говорить католичество. Православіе же говорить, что въ послѣднемъ подсчетѣ дѣло все-таки сводится къ личнымъ отношеніямъ между Богомъ и каждымъ человекомъ.

Никто не можетъ сказать про человека: этотъ человекъ попадетъ въ жизнь вѣчную. Но можно съ долей вѣроятности сказать, что если самъ человекъ отрицаетъ жизнь вѣчную, то, *вѣроятно*, онъ ей непричастенъ. Утверждать же опять нельзя,—ибо это тайна, *личная* тайна между человекомъ и Богомъ. Такъ—по существу дѣла—Церковь Православная и учитъ.

Я лично думаю такъ: въ притчѣ—Лук. XVI—указано на

два сорта жизни: на жизнь должниковъ въ домахъ и на жизнь друзей въ „вѣчныхъ обителяхъ“.

Исходя изъ того положенія, что послѣ смерти нѣтъ покаянія, я думаю, что распределеніе по домамъ и вѣчнымъ обителямъ происходитъ здѣсь, на землѣ. Я думаю, что человекъ здѣсь, на землѣ, долженъ „прицѣпиться“ къ вѣчной жизни (т. е. вступить въ вѣчныя обители).

Я не вижу никакого затрудненія допустить, что Христось имѣлъ въ виду сказать, что благочестивые язычники пріятны Господину и живутъ въ домахъ. Но, какъ говорилъ Христось, должники и рабы (благочестивые) *не пребываютъ вѣчно*; только сыны и друзья пребываютъ вѣчно,—т. е. живутъ уже не въ домахъ, а въ вѣчныхъ обителяхъ.

Теперь, я думаю, что *жизнь вѣчная* не значитъ: жизнь безконечная (очень длинная, долгая), а значитъ: жизнь не временная, внѣ времени. (Другой уровень жизни—внѣ времени и пространства).

И еще я думаю, что, когда Оригенъ говорилъ о переселеніи душъ, *стоя* на точкѣ зрѣнія Благовѣствованія, онъ, *оставаясь въ Церкви* и вѣря въ Церковь, какъ Тѣло Христово, начатокъ котораго Христось,—Одинъ, имѣющій жизнь вѣчную, въ смыслѣ жизни внѣвременной, —имѣлъ въ виду слѣдующее: Возьмемъ *благочестиваго* пауаса. Онъ пріятель Богу. Онъ должникъ и рабъ Господа, и живетъ въ домѣ Господа. Онъ живетъ *во времени*. Значитъ пребываетъ не вѣчно. Онъ подъ закономъ времени, вѣка. Для него существуетъ и этотъ *его вѣкъ*, и *будущій вѣкъ*—т. е. время.

Онъ умеръ, т. е. перешелъ въ будущій вѣкъ, но и тамъ, отбывъ свое, онъ *кончаетъ* пребываніе тамъ, — и снова приходитъ на землю. Почему? Да потому, что по какой-то *тайной* причинѣ—привиться ко Христу можно только здѣсь¹⁾. Тотъ же, кто привился: 1) не подъ закономъ благочестія, а подъ закономъ благодати, 2) перешелъ отъ жизни во времени къ жизни внѣ времени, 3) онъ—сынъ и другъ, и пребываетъ вѣчно, 4) онъ живетъ не въ домѣ, а въ вѣчной обители, 5) значитъ—перешелъ отъ необходимости „рождать-

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать словъ св. Ап. Петра: „Онъ (Христось) и находящимся въ темницѣ духамъ, сошедши, проповѣдалъ, вѣкогда непокорнымъ, ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію“ (1 Петр. I, 19—20). М. Н.

ся и умирать“, 6) въ этомъ смыслѣ онъ побѣдилъ смерть; 7) такой не перевоплощается, а живетъ какой-то жизнью, которой мы постичь не можемъ.

Такой взглядъ не *еретическій* ¹⁾. Онъ не нарушаетъ ни догматовъ, ни нужды въ таинствахъ. Этотъ взглядъ, который, какъ мнѣ кажется, *былъ взглядомъ Оригена*,—только силится объяснить положеніе *благочестиваго* папуаса. Онъ силится выяснитъ, что *Христосъ, умершій за этого папуаса*, не оставилъ его, а приведетъ и его со временемъ въ лоно Своей Церкви, внѣ которой нѣтъ жизни вѣчной. И Церковь не сочла такое ученіе или такой взглядъ Оригена ересью. Она его не отлучила ²⁾.—А вотъ Арія и Толстого отлучила. И была права. Ибо Аріій и Толстой упраздняли христіанство по существу, проповѣдуя вмѣсто Богочеловѣчества, т. е. воплотившагося Бога,—человѣкобожество, т. е. „обожествившагося“ человекъ. Но всетаки Православіе не утверждаетъ, что Толстой или Аріій на сковородкѣ или въ аду. Оно говоритъ, что это—тайна.

Католичество же, дѣйствительно, стоя на формальной и юридической точкѣ зрѣнія, утверждаетъ, что они оба въ аду навѣки. (Но опять: что значить—навѣки?).

Эти вопросы въ Церкви—не могутъ быть разработаны точно и въ подробностяхъ. Совершенно такъ же, какъ вопросъ о Существовѣ Божіемъ. Это—тайна, намъ *недоступная*, и Догматическое богословіе и *начинается именно съ этого утвержденія*.

Могу тутъ еще разъ сказать, что никакого разногласія между нами по существу не вижу.

Мы можемъ по извѣстнымъ вопросамъ думать и говорить разное, но разногласія нѣтъ, т. к. либо я завтра буду *выражаться* по-Вашему, либо Вы по-моему. Разногласіе у насъ въ выраженіяхъ.

Вотъ съ Д—ко у меня дѣйствительное разногласіе.

Мы въ корнѣ смотримъ на дѣло иначе.

Для того, чтобы сойтись, кому-нибудь изъ насъ надо *измѣниться*.

Этой надобности у насъ съ Вами не существуетъ, поэтому я и говорю о томъ, что между нами нѣтъ разногласія по существу.

¹⁾ Этотъ взглядъ не принятъ Церковью. М. Н.

²⁾ Это вопросъ спорный М. Н.

Вотъ я еще думаю, что у меня съ миссіонеромъ *N* разногласіе по существу. Онъ—іудействующій потомокъ тѣхъ учениковъ Христа, которые требовали „обрѣзанія“ язычниковъ. Церковь росла,—а они отпали.

Практика жизни—дѣло, конечно, важное, но развѣ Церковь объ этомъ не говорить? И развѣ можно думать, что нѣтъ „праведныхъ“ церковниковъ? Вѣдь истинная жизнь—не видна и незамѣтна. Только *механизмы* явны. Поэтому не надо удивляться тому, что на внѣшній взглядъ мы не видимъ знаменій и чудесъ. Надо присмотрѣться, и тогда, я думаю, мы поражены будемъ ихъ „обиліемъ“. Можетъ, форма ихъ будетъ не та, которую мы ждемъ, но, несомнѣнно, увидимъ.

Жму руку. Всего хорошаго

Д. Хилковъ.

XIII.

30 Марта 1914 г.

Дорогой Я. И., какъ поживаете?

Навѣрное, у Васъ уже тепло, обсѣялись. У насъ здѣсь погода неблагопріятная. Сыро и пасмурно. Кое-кто съветъ, но дружной работы нѣтъ, т. к. необходимость сѣйбы указываетъ не чувство, а умозаключеніе.

Это послѣднее время я заканчивалъ писаніе своего толкованія притчи: Лук. XVI. Это писаніе меня очень занимало, т. к. при разборѣ притчи она оказалось чрезвычайно поучительной и дающей отвѣты на многіе основные вопросы христіанскаго міровоззрѣнія и вѣроученія. Насколько мнѣ извѣстно, такого толкованія еще не было, а потому я отослалъ свою рукопись одному знакомому священнику съ просьбой ее прочесть и сказать мнѣ, нѣтъ-ли въ моемъ толкованіи чего-нибудь противнаго Догматическому богословію, буквѣ Писанія и духу православнаго пониманія Вѣры Христовой.

Это для меня важно потому, что мнѣ бы не хотѣлось сознательно вносить разъединеніе и раздѣленіе.

Мнѣ думается, что „догматы“ для того и существуютъ. Я смотрю, какъ Вы знаете, на догматы, какъ на такого рода рамки, которыя мѣшаютъ людямъ „выскакивать въ пустоту“. При этомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что эти рамки въ мірѣ духовномъ—совершенно такъ же *просторны*, какъ фи-

зическій міръ въ области тѣлесной. Говорить „серьезно“ о стѣснительности догматовъ можно только постольку, поскольку можно говорить, что *земля*, въ виду ея ограниченности, стѣсняетъ наше физическое передвиженіе.

Я даже склоненъ продолжить аналогію и сказать, что, по существу дѣла, намъ такъ же невозможно переступить рамки догматовъ, какъ невозможно соскочить съ земли. И совершенно подобно тому, какъ, если мы, чувствуя стѣсненіе отъ ограниченности земли, чтобы „уйти съ нея“, должны *себя убить*, такъ точно и переступаніе рамокъ догматовъ будетъ по существу психическимъ—духовнымъ самоубійствомъ.

Изъ этого Вы видите, что я отношусь къ догматамъ не такъ, какъ большинство. Кто же правъ?

Я думаю, что этотъ вопросъ вполне возможно разумно изслѣдовать и прійти къ разумному рѣшенію. Но какъ же изслѣдовать этотъ вопросъ?

Я думаю, что изслѣдованіе должно начаться съ сравненія догматическаго ученія Церкви съ другими ученіями. Я думаю, что, если для безусловной истинности догматическаго ученія нуженъ элементъ вѣры, то для сравненія догматическаго ученія съ другими ученіями этого элемента не нужно, что очень облегчаетъ задачу.

Какъ на иллюстрацію того, что я хочу сказать, укажу на слѣдующее: Я получилъ II выпускъ „Всемирнаго Единенія“. Тамъ статья, изслѣдывающая, т. е. пересказывающая своими словами, сочиненіе Николаева. Заглавіе такое: „Богъ (Духъ), какъ единая истинная сущность всего, нами сознаемаго (Монизмъ)“.

Дальше приводится заглавіе труда Николаева: „Понятіе о Богѣ, какъ совершенной основѣ жизни“.

Я прочелъ эту статью и долженъ сказать, что ничего не понялъ. Не понялъ въ томъ смыслѣ, что не могу опредѣленно сказать, какой именно смыслъ придаетъ авторъ тѣмъ словамъ, которыя онъ употребляетъ. Про Догматическое богословіе этого сказать нельзя. Догматическое богословіе никогда не скажетъ: Богъ—Духъ. А прибавитъ „Личный“. Ибо безъ этого слова или безъ слова „безъ — Личный“, слова Богъ—Духъ *ничего не значить* (съ практической — нужной намъ—точки зрѣнія). Дальше въ скобкахъ стоитъ слово „Монизмъ“.

Опять-таки и это слово безъ какого-нибудь поясненія ровно ничего не значить и *смысла* не имѣеть, ибо ему можно придать *разный* смыслъ.

Слово Монизмъ, взятое въ извѣстномъ смыслѣ, отрицается догматикой. Взятое въ другомъ смыслѣ „проповѣдуется догматикой“. Въ какомъ же смыслѣ оно употреблено въ статьѣ? Объ этомъ ни слова *ясно* и *опредѣленно* не сказано. Я пришелъ къ заключенію, что, собственно говоря, всѣ расколы и отколы именно только и держатся на этой „неопредѣленности“ или же на болѣзненномъ, патологическомъ ростѣ какой-либо *части* Догматическаго богословія въ ущербъ цѣлаго.

Съ легкой руки Геккеля Монизмъ *въ модѣ*.

Насколько я знаю, это—смѣсь якобы науки съ философіей Абсолюта. Я не ученый и не философъ, но думаю, что люди науки скоро укажутъ „научныя“ погрѣшности Геккеля; что же касается до философіи, то уже показано на сочиненіи Гартмана, критикой его сочиненія „Философія безсознательнаго“, что эта философія „слаба“.

Если Монизмъ, о которомъ говорится во второмъ выпускѣ, сводится къ философіи Абсолюта, то мнѣ думается, что и критиковать его не стоитъ, ибо философія Абсолюта въ корнѣ подрываетъ всякую религію (ибо сводитъ Божество ни къ чему), всякую нравственность (ибо уничтожаетъ различіе между добромъ и зломъ) и всякое знаніе (науку) о мірѣ (ибо принципиально уничтожаетъ всякій смыслъ нашей личной жизни, въ принципѣ уничтожая насъ самихъ). Это—одинъ смыслъ слова Монизмъ. Этотъ смыслъ утверждаетъ, что *нынѣ* все едино есть.

Другой же смыслъ слова Монизмъ, это—*Единеніе*. Причемъ предполагается, что это *Единеніе* должно быть *достигнуто*. Такой Монизмъ *проповѣдуется* Догматическимъ богословіемъ.

Если же слово Монизмъ будемъ понимать не въ пантеистическомъ смыслѣ *Единого* Сущаго, а въ смыслѣ „единенія“ того, что нынѣ разъединено, въ смыслѣ гармоніи того, что нынѣ не гармонично, то само собою понятно, что мы должны допустить существованіе не *Единого*, а *многаго*.

Но если такъ, то къ чему же огородъ городить — и Америки открывать, когда все это давнымъ давно сказано въ Догматическомъ богословіи?

Если я правъ, (это дѣло подлежитъ разумному изслѣдованію и обсужденію), если дѣйствительно *это есть* въ Догматическомъ богословіи, то всякое выступленіе, говорящее объ этомъ „подъ другой этикеткой“, — есть сознательное внесеніе „разъединенія“ („искусственнаго разъединенія“) въ среду людей.

Если это такъ, то, по справедливости, на обложкѣ книги надо написать не „Всемирное Единеніе“, а „Всемирное *Разъединеніе*“.

Но пойдѣмъ дальше.

Возьмемъ двѣ области. Область религіи и область точныхъ знаній, область науки.

Когда мы что-нибудь изучаемъ, мы можемъ это изучать только какъ „процессъ“. При этомъ намъ нужна начальная точка, начало процесса. Давая намъ такую начальную точку въ моментѣ творенія, Богословіе дѣлаетъ возможнымъ познаніе Творца изъ творенія. Философія Николаева этого не даетъ, а кромѣ того, сводя дѣло къ Абсолюту, дѣлаетъ *всякое* знаніе безсмысленнымъ.

Очень можетъ быть, что пересказъ плохой, или я ничего не понялъ, но мнѣ кажется, что позиція Николаева должна его привести къ отрицанію науки.

Догматическое Богословіе тѣмъ и интересно, что оно не только не отрицаетъ науки, но именно въ ней почерпаетъ доказательства и аналогіи для своей метафизики (точка зрѣнія Г. Друмонда). Пастеръ говорилъ: „моя вѣра подобна вѣрѣ бретонца. Когда я достигну большого знанія естественныхъ наукъ, то моя вѣра уподобится вѣрѣ его жены“. Очень можетъ быть, что пересказъ соч. Николаева сдѣланъ плохо и не точно. Заключительныя слова статьи (стр. 15), помѣщенныя въ кавычки, по духу и смыслу противорѣчатъ всему пересказу и даже наводятъ на мысль, что, если Николаевъ и употребляетъ слово Монизмъ, то вовсе не въ Геккелевскомъ смыслѣ, не въ смыслѣ существованія *Единого*, а въ смыслѣ существованія принципа *Единенія*, долженствующаго объединить то *многое*, что нынѣ разъединено.

Т. е. своими словами говорить о томъ, о чемъ говоритъ Догматическое богословіе.

Если же Николаевъ говоритъ объ этомъ, если правда, что Догматическое богословіе говоритъ объ этомъ, то само собою

изъ этого слѣдуетъ, что если Николаевъ стремится къ единенію, а не къ разьединенію, то ему нельзя выступать подъ своимъ собственнымъ знаменемъ и отъ своего имени, а онъ долженъ выступать отъ имени Церкви, какъ ея членъ и чадо. *Это элементарно!*

Перечтите со вниманіемъ заключительныя слова статьи, помѣщенныя въ кавычки, и Вы увидите, что ни одной мысли, ни одного положенія тамъ нѣтъ такого, чего бы не было высказано въ Догматическомъ богословіи.

Еще подумайте о слѣдующемъ: возьмите Вы католическіе монашескіе ордена. Обратите вниманіе на ту громадную разницу, которая существуетъ въ ихъ ученіяхъ. Церковь, какъ защитница истинной свободы ¹⁾ (не своеволія, а *свободы*), дозволяетъ имъ это и ничего вопреки не говорить. Они же, стремясь *дѣйствительно къ единенію*, не основываютъ „разныхъ церквей, толковъ и кружковъ“, а остаются въ лоѣ церкви.

Теперь кинемъ взглядъ на статьи „Всемирнаго Объединенія“ и посмотримъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. Посмотримъ, *чему* онѣ служатъ на самомъ дѣлѣ. Объединенію или раздѣленію?

Прочитавъ *всѣ* статьи со вниманіемъ, ясно видишь слѣдующее: нѣтъ ни одной статьи, въ которой основныя и *цѣнныя* мысли и положенія не были бы выражены въ Догматическомъ богословіи.

Спрашивается: почему же авторы сочли нужнымъ уходить изъ Церкви, разъ у нихъ, какъ оказывается, весь-то багажъ только въ томъ, что они унесли съ собою изъ Церкви?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. (Я исключаю совершенно всѣ мысли о гордости и самомнѣніи, т. е. *такое* приписываніе людямъ *плогого* никогда еще не было плодотворно для *того*, кто это дѣлаетъ. Никогда не открывало ему глаза, а всегда закрывало).

Отвѣтъ такой: мы взяли то, что намъ нужно было, а оставили то, что намъ не только мѣшало, не только ненужно было, но прямо вредило!

Я думаю, что такой отвѣтъ и такая точка зрѣнія не только неразумна, но очень вредна.

¹⁾ Это можно говорить о Церкви, а не о католическомъ расколѣ, которому чужда „истинная свобода“, и не она—причина привилегированнаго положенія монашескихъ орденовъ.—См. на стр. 281-й первое примѣчаніе. М. Н.

Именно неразумна постольку, поскольку вредна.

Чѣмъ же она вредна?

Она вредна потому, что въ принципѣ отвергаетъ *правило* накопленія энергій и утверждаетъ принципъ разсѣиванія энергій.

Если говорить: рѣчь—серебро, а молчаніе—золото, то говорятъ это именно потому, что молчаніе собираетъ энергію, а „разговоры“ разсѣиваютъ ее въ „словахъ“.

Если-бы Францискъ, Бенедиктъ, Доминикъ, всѣ побѣждали бы изъ церкви, то, понятное дѣло, на *практикѣ* повредили бы дѣлу концентраціи въ *себѣ* энергій. И Спаситель это именно и говоритъ, говоря, что сатана просилъ Его *святъ* учениковъ, какъ пшеницу, но что Онъ не поддастся этой ловушкѣ.

На этотъ счетъ примѣры Оригена и Августина чрезвычайно поучительны.

У насъ такой случай произошелъ съ Ниломъ Сорскимъ. Борьба Нила Сорскаго съ Іосифомъ была сильная; разногласіе очень существенное, но всетаки Ниль отъ Церкви не отдѣлился, ибо понималъ, что Іосифъ Волоцкій и Геннадій не Церковь ¹⁾.

Вотъ и теперь: сколько у насъ Епископовъ въ заточеніи? Вотъ они и сидятъ, какъ нѣкогда сидѣлъ Аѳанасій Великій (29 лѣтъ),—но не выдумываютъ же „своей вѣры“.

И, конечно, это *имѣ* полезно. Ибо такое отношеніе къ дѣлу либо укрѣпить ихъ вѣру—если они правы, либо дать имъ время обдумать свою вѣру и отказаться отъ своей точки зрѣнія, если они неправы ²⁾.

Иначе поступили Петровъ и Иліодоръ. И что-же? Сразу выдохлись, какъ бутылки сельтерской воды. Пошипѣли, пошипѣли, да и замолкли. Замолкли въ области вѣры.

Пересматривая всѣ статьи II-го выпуска, ясно видишь, что не только нѣтъ никакого Единенія—принципiального—между

¹⁾ Не преувеличиваетъ ли Д. А.—чь острогу положенія? Вѣдь споръ шелъ лишь о частномъ церковномъ вопросѣ, а именно о назначеніи монастырей: одна сторона отстаивала духовно-воспитательное значеніе монастырей для всего народа, хотя бы съ ущербомъ для монастырскаго „бѣгомлія“, а друга искала прежде всего благоприятныхъ условій для духовнаго созерцанія. Признавъ святыми и Нила, и Іосифа, Церковь одобрѣла обѣ задачи монастырей. М. Н.

²⁾ Недоумѣваемъ, кого имѣеть въ виду Д. А.—чь. Развѣ еп. Гермогена? М. Н.

авторами, но налицо полное разъединеніе. Уже потому, что, вслѣдствіе данныхъ человѣческой природы, *нельзя* объединяться на низшемъ, т. е. на *утилитарной* морали. Даже нельзя объединяться и на „благочестіи“, а можно объединяться только на *благодати*.

Если Вы серьезно вникнете въ вопросъ, то увидите поразительный фактъ, что по существу дѣла и, какъ это ни странно, на дѣлѣ—фактически—вѣрующій христіанинъ будетъ чувствовать большее внутреннее единеніе съ изувѣромъ-ритуалистомъ (Евр.), или скопцомъ, или самосжигателемъ-старообрядцемъ, чѣмъ съ самымъ гуманнымъ и полнымъ „любви“ невѣрующимъ атеистомъ. И это фактъ, фактъ очень важный, который не надо *игнорировать*, а надо изслѣдовать ради своей пользы и просвѣтлѣнія.

На страницѣ 16-ой говорится о „Тенрико“.

Ея ученіе по существу очень близко къ ученію Церкви.

На страницѣ 18-ой говорится о бабизмѣ. Принципіально, это—*диаметральная* противоположность ученію Тенрико.

Въ особенности пунктъ V. Тутъ, очевидно, авторъ не отдаетъ себѣ отчета въ элементарно-простой вещи, а именно, что наука имѣетъ дѣло съ „естественнымъ“, а религія—съ сверхъестественнымъ. Причемъ сверхъестественное понимается, какъ учить Церковь, не въ смыслѣ противоестественнаго, а именно въ смыслѣ чего-то превосходящаго естественное—*какъ мы его теперь знаемъ*.

Понятное дѣло, что § V-му можно придать именно это значеніе, и тогда противорѣчія съ Догматическимъ богословіемъ во взглядѣ на міръ не будетъ. *Міръ* пріемлется и нуждается лишь въ искупленіи. Міръ по существу и естеству *не грѣшенъ*. Надо лишь снять *пятно* грѣха. Что же грѣхъ, по ученію Догматическаго богословія? Грѣхъ, по существу, есть *нѣчто противоестественнос*.

Пропускаю изреченія на страницахъ 25—29, т. к. эти изреченія ничего по существу не говорятъ, будучи кодексами „утилитарной“—очень хорошей и удобной—морали.

Но вотъ страница 30-ая. Изреченія Добролюбова ¹⁾.

Эти—изреченія, дѣйствительно, *анти-церковны по существу*. Это лишь пересказъ своими словами рационалистической фи-

¹⁾ Фамилія одного современнаго сектанта. М. Н.

лософіи *Ивана Карамазова*, и, конечно, ничего общаго ни съ ученіемъ Церкви, ни съ христіанствомъ не имѣеть.

Очень можетъ быть, что я не понимаю этихъ афоризмовъ, но думаю, что слова: „Не могу принять я этого міра, какъ бы онъ ни былъ великъ(?) (При чемъ тутъ *величина?*), пока погибаетъ хотя бы одна былинка“—какъ *букваьный* пересказъ словъ *Ивана Карамазова*,—вѣроятно, имѣють тотъ же смыслъ.

Смыслъ же этотъ, по существу, въ высшей степени анти-религіозный, хотя „сантиментальности“ хотъ отбавляй. Къ несчастью авторъ, вѣроятно, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что сантиментальность и любовь—не одно и тоже.

Долженъ сказать, что изъ всѣхъ статей только слова Добролюбова. дѣйствительно, въ рѣзкомъ, принципиальномъ противорѣчьи съ Догматическимъ богословіемъ.

На страницѣ 35-й выставлено три положенія. По существу, они туманно и неопредѣленно лишь повторяють то, что Догматическое богословіе говоритъ *ясно и опредѣленно*.

И это понятно, ибо Отцы Церкви уже по одному тому, что имъ приходилось бороться съ цвѣтомъ языческой философіи, должны были говорить ясно, опредѣленно и *по существу*, а не выражаться настолько неопредѣленно, что можно одну и ту же фразу понять тремя различными способами.

Страницы 75—77 интересны тѣмъ, что показываютъ, какъ на *практикѣ* стремленіе ввести *одинъ противосъестественный* языкъ приводитъ къ возникновенію безчисленнаго множества такихъ языковъ, т. е. какъ выходитъ, что, начавъ за здравіе, дѣло сводится „за упокой“, разъ допущено первое отдѣленіе отъ Тѣла Христова.

Страница 85-я говоритъ о томъ же. Снова „новое“ общество. Какое же здѣсь объединеніе?

И всѣ пишутъ пункты и правила. И количество ихъ равно песку морскому. И все потому, что оставлена Единая Основа, „Камень“, Который отвергли и отвергають „стронтели объединенія“.

Все говорятъ: „Объединеніе! Объединеніе!“—А на дѣлѣ, что ни день, то новая—отдѣлившаяся—группа. Это „почкованіе“ *низшихъ организмовъ*. Ихъ жизнь продолжается черезъ раздѣленіе.

Если взглянуть на заглавіе статьи, то видишь и причину:

причина въ стремленіи „быть (самимъ) благоустроителями жизни на земномъ шарѣ“.

Христіанская концепція жизни поставлена вверхъ ногами. Слѣдствіе поставлено, какъ цѣль. Жизнь ограничена „земнымъ шаромъ“ и этимъ самымъ сразу лишена всякаго смысла по существу.

Выходитъ ужасная *нелѣпность*: то, что по существу не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, то собираются „благоустроить“. Само собою разумѣется, что такіе люди, именно потому, что они „живы“, что они „люди“, а не трава, постоянно терпятъ неудачи, и *эти неудачи говорятъ въ ихъ пользу*, свидѣлствуютъ, что они—живыя существа—человѣки, а не кристаллы минералогической коллекціи.

Но въ чемъ же суть дѣла? Главная суть дѣла въ *противоестественности* всей затѣи.

Вмѣсто того, чтобы устанавливать естественное Единеніе съ ближайшими,—людьми, животными, растеніями,—люди обходятъ моря и земли въ поискахъ тѣхъ, съ которыми, думаютъ, *уже* находятся въ единеніи.

И, конечно, каждый разъ терпятъ невообразимое разочарованіе, какъ та „институтка“, которая „страшно“ любила мужика, а когда увидала *живого мужика*, то оказалось, что онъ ей нестерпимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

И это неразумное „влюбленіе“ въ „дальнихъ“ людей и дальнія мѣстности можетъ привести лишь къ одному. Оно приведетъ къ тому, что человѣкъ *на дѣлѣ* обособится отъ всѣхъ людей, а въ поискахъ за „мѣстомъ“ будетъ колесить кругомъ земного шара. Въ одинъ прекрасный день умереть, и окажется, что „проворонилъ“ свою жизнь, что ему, конечно, станетъ вполне яснымъ въ послѣднюю минуту.

Въ чемъ же корень дѣла? Я думаю, корень дѣла въ *противоестественности* всей концепціи.

Если ее изслѣдовать, то окажется, что постоянно нарушаются тѣ правила, которыя такъ прекрасно изложены Толстымъ въ его книжкѣ „Крестникъ“.

Если перечтете и приложите эти правила къ тому, о чемъ я говорилъ, то лучше поймете то, что я хочу сказать по „существу, и что относится до самыхъ различныхъ частныхъ случаевъ“.

Крѣпко жму Вашу руку. Д. Хилковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).